

И

мя Светланы Николаевны Сукачевой в основном знают те, кто последние 30 лет в Воронеже и области связан с любительским театральным движением. Год назад ее не стало. Каким горьким и несправедливым казался этот уход, ведь ей было всего 60 лет...

Родом она из Землянска, окончила Воронежский институт искусств — одно время там было отделение режиссеров народных театров и массовых зрелищ. На первом курсе у них работал тогда доцент Алексей Константинович Дундуков, а со второго курса художественным руководителем стал заслуженный работник культуры Владимир Иванович Разуваев. Надо сказать, Светлане очень повезло с руководителем. Конечно, и она по натуре была очень ответственной, вдумчивой, преданной избранному делу. Но расширение кругозора, воспитание вкуса, умение анализировать пьесу и работать с актерами — всему этому научил ее Владимир Иванович, прекрасный, тонкий педагог, с которым она дружила всю свою жизнь. Дипломным ее спектаклем стал «Живи и помни» по повести Валентина Распутина, и это была значительная работа.

По окончании института Светлана Сукачева работала методистом в областном доме народного творчества. Сферой ее деятельности стали народные, или, как принято сейчас говорить,

любительские театры города и области. Казалось бы, все понятно: выезжай на премьеры в райцентры или в пределах города, смотри спектакли, оказывая методическую помощь, организуй курсы повышения квалификации. Но можно относиться к этой работе формально, а можно — творчески. Светлана выбрала последнее, таким уж она была человеком. Несколько лет ушло на освоение профессии. Ей очень хотелось найти что-нибудь свое, какую-то изюминку, чтобы работа не сводилась к простому исполнению обязанностей.

Рассказывает Владимир Иванович Разуваев:

— В 1994 году старейшему народному театру области в селе Никольском Верхнехавского района исполнялось 100 лет. Света задумала в честь этой даты устроить фестиваль народных театров области. Ведь они практически мало что знали друг о друге, почти не общались, разве что на курсах повышения квалификации, а тут такая возможность! Она погрузилась в изучение истории этого народного театра и выяснила, что основан он был сестрой Константина Сергеевича Станиславского, Зинаидой Сергеевной, и ее мужем Константином Константиновичем Соколовым, когда они стали владельцами села Никольское и переехали сюда из Москвы на постоянное место жительства. Великий реформатор сцены — и воронежская глубинка! Было от чего оттолкнуться. На этом первом фестивале и родилась мысль сделать его постоянным и собираться раз в два года. Так возникло дело, которому Светлана Сукачева посвятила всю свою жизнь.

Рассказывает Галина Владимировна Поцелуева, старший научный сотрудник Воронежского областного краеведческого музея:

— Хорошо помню, как ко мне в музей обратилась Светлана Николаевна с просьбой помочь ей разыскать какие-либо материалы по Никольскому: старые фотографии, домашние вещи того времени, крестьянские костюмы — все, что было в музее. Из этих материалов составила первая выставка, которую мы сделали в школе села Никольское. Я была организатором почти всех выставок на фестивалях «Театральные встречи в Никольском», а это больше 20 лет! Мы послали запрос в Бахрушинский театральный музей в Москве, и нам оттуда прислали материалы. Кроме того, Света постепенно знакомилась с родственниками Станиславского, некоторые даже приезжали по ее приглашению на фестиваль. Вот так все расширялось.

Вообще театр — только один из видов деятельности владельцев имения, основными были учеба и «лечеба» (термин Зинаиды Сергеевны) крестьян. Ну, а уж свободное время отдавалось подготовке спектаклей. Сами расписывали декорации и шили костюмы. В репертуаре были «Омут» Полушина, на пьесы которого из жизни крестьянства обратил внимание Лев Толстой, и они были изданы «Посредником»; «Предложение» Чехова, «Не все коту масленица» и «Свои люди — сочтемся» Островского. Позже ставили даже оперы: «Аскольдову могилу» Верстовского, «Русалку» Даргомыжского, «Мельник — колдун, обманщик и сват» Аблесимова.

Нетрудно заметить, что пьесы выбирались в основном из крестьянской жизни или которые могли бы заинтересовать деревенское население. По наблюдениям Зинаиды Сергеевны, пьесы «жалостливые» больше нравились крестьянской публике, чем комедии. Зрители затем долго обсуждали спектакли, взволнованно делились впечатлениями, выносили верою свои приговоры.

Главным артистом был сам хозяин — Константин Соколов. Он обладал незаурядным талантом, играл еще в любительском кружке Станиславского. А при организации МХТ Станиславский приглашал его принять участие в новом деле. Но Константин Соколов так и остался актером-любителем.

Зинаида Сергеевна и две их дочери также были основными исполнительницами. Приглашались учительницы из близлежащих деревенских школ, а со временем наиболее даровитые крестьяне стали принимать участие в представлениях.

Светлана Николаевна Сукачева

Вся эта подвижническая деятельность подробно описана в книге З.С. Соколовой «Наша жизнь в Никольском», которую Светлана Сукачева извлекла из архивов краеведческого музея, прокомментировала и издала в Центре духовного возрождения Черноземного края к десятилетию фестиваля «Театральные встречи в Никольском».

Ну, а я впервые попала на этот фестиваль в качестве члена жюри в 1998 году, когда он проходил уже в третий раз и был посвящен 100-летию МХТ. Главная улица села носит имя Станиславского. Фестивальные спектакли шли в помещении сельского клуба, где сто лет назад размещалась школа, построенная супругами Соколовыми.

В Никольском мне сразу понравилось. Клуб — маленький, но уютный. Здесь в 1901 году ночевали Константин

Сергеевич и его жена Мария Петровна Лилина, гостившие у сестры.

Если по отреставрированному мостику перейти на другую сторону от дороги, то выйдешь к бывшему дому Соколовых, где в первые годы проведения фестиваля еще располагалась сельская школа. Позже она стала музеем. Здесь как раз и проходят выставки из фондов Воронежского областного краеведческого музея.

На ночь нас увозили за несколько километров в соседний хутор Эртель, в пионерский лагерь, расположенный в давнем имении писателя Александра Ивановича Эртеля, бывшего, кстати, другом семьи Соколовых. Это тоже весьма живописное место, воспетое Константином Паустовским в рассказе «Воронежское лето». После войны тут располагался дом творчества писателей. В первые фестивальные годы мы еще располагались в эртелевском доме, но потом он стал разваливаться прямо на глазах. И сколько бы разговоров ни велось о реконструкции усадьбы, о создании мемориально-туристического комплекса, все остается как было, вот уже более двадцати лет. Но ни грустный вид разрушающихся зданий, ни отсутствие цивилизованных удобств в виде душа и туалета не уменьшают нашей любви к этим привольным местам. Каждые два года в конце августа или начале сентября мы приезжали в Никольское — и так в течение двадцати четырех лет! Погода радовала последним теплом, еще ярким солнышком, начинающими желтеть березками, голубизной неба — за городом это ощущается свежее.

Несколько лет фестиваль открывался театрализованным прологом, написанным самой Светланой: отрывками из дневника Зинаиды Сергеевны (ее роль неизменно исполняла заслуженная артистка Украины Татьяна Сезоненко, в роли же Константина Соколова выступал Владимир Разуваев). Пролог, исполняемый с большой сердечной простотой, вводил в атмосферу жизни конца XIX века, когда люди существовали неспешно, имели благородную жизненную цель и исполняли свой долг без истерического надрыва и обвинений близких. «Какой свет был в наших душах и сердцах!..» — вот лейтмотив этого представления.

Затем, в течение двух или трех дней в зависимости от количества участников, шли спектакли различных театров области, обязательно с обсуждением, профессиональным разбором работ артистов. Атмосфера обсуждений неизменно была

дружеской, особенно поначалу, и этому во многом способствовала Светлана Николаевна.

Ведь у актера-любителя — свой быт, своя работа, и он, выходя на сцену, несет в себе весь опыт прожитой (не актерской!) жизни. Вот это и есть самое интересное в любительском искусстве. Я учитываю, естественно, способности, органику, обаяние. Но среди актерских работ встречались такие перлы, которые никогда бы не смогли сыграть профессионалы.

После Никольского многие коллективы стали приглашать на другие российские фестивали и даже за границу, где эти коллективы зачастую получали первые премии. Вот какой резонанс имел скромный сельский фестиваль!

Сам театр в Никольском, чье столетие и послужило точкой отсчета, многие годы возглавлял артист Василий Вощаев, но постановки его были скучно-традиционны, в стиле 1950-х годов, и оставляли впечатление, как будто мы перенеслись на сто лет назад, во времена Соколовых. Вероятно, именно так играли крестьяне в те дни. Мешковатые костюмы, окладистые бороды, приклеенные к молодым лицам, — ряженые да и только! И даже суфлер с томиком Островского почти на сцене. После ухода Вощаева Светлана Николаевна решает взять руководство театром на себя. Невзирая на все неудобства (ей приходилось несколько раз в неделю ездить сюда из города, но, как видно, тень Зинаиды Сергеевны ее вдохновляла), работа в театре приняла совсем другое, более современное направление. От фестиваля к фестивалю театр преобразался.

Если первые опыты — «Деревенские чудики» В. Шукшина, «Дом окнами в поле» А. Вампилова — скорее можно было назвать эскизами, то последующие выглядят все интереснее и интереснее. Появился настоящий театральный ансамбль, на фоне которого особенно заметны отдельные взлеты, как, например, в спектакле «Женитьба Бальзамина» Островского (ну очень любят народные театры эту пьесу!) исполнение Евгением Яковлевым главной роли. Не убогий дурачок, а доверчивый, простодушный и мечтательный юноша, которого хочется защищать и оберегать.

Остроумно обыграно небольшое пространство никольской сцены, дающее представление и о домике Бальзаминовой, и о хоромах купчихи Ничкиной, и о садике вдовы Белотеловой. Все актеры очень точны по рисунку, общение свободное, я бы сказала, радостное. Сочно, выразительно звучал текст.

Не довольствуясь актерами-любителями, Светлана приглашает и профессионалов. Это дает весьма интересный результат. Так, артист ТЮЗа Григорий Южаков сыграл у нее героя повести В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы» Женьку Тулупова. Этот советский идеалист сталкивается с жестокой несправедливостью: с доносом и предательством, в результате которых хороший человек отправляется в тюрьму, а колхозников, для которых он оставил на весенний сев три мешка сорной пшеницы, ждет голод. Сцену прощания колхозных баб со своим председателем забыть невозможно: так по-настоящему смиренно-покорно, со всей терпеливостью русских людей провожают они своего кормильца.

Южаков же нашел тему для следующего спектакля: ему на глаза попались стихи некоего Коли Шалыганова, рано умершего одаренного юноши. О нем мало что известно. Судя по разбросанным в стихах бытовым подробностям, школьные его годы пришлось на голодное послевоенное время, следовательно, родился он перед самой войной. В последних стихах упоминается реактивный самолет, значит, скорее всего, умер Шалыганов где-то в начале 60-х. Короткая и тяжелая жизнь. Чем же она примечательна?

Основной смысл, как мне представляется, — в неувыдаемости поэтического народного начала. Как бы тяжело и трудно ни жилось народу, как бы ни были грубы формы его жизни, душа народная, как родник, питается творчеством.

И регулярно рождает таких самородков, как Алексей Кольцов, чьим творчеством вдохновлялся Коля, именно в нем находя свой идеал.

Соединить в одном спектакле любителей и профессионалов (а помимо Южакова в нем участвуют еще артисты театра драмы имени А. Кольцова Максим Толстиков (Писатель) и Юрий Шаршов (Сторож) — задача нелегкая. Профессионализм в любительском спектакле может выглядеть искусственно, равно как и неумение любителей порой оборачивается беспомощностью. Режиссеру удалось органично сочетать игру тех и других. словно из гущи народной выхвачен этот Сторож — грубоватый, примитивный как будто, но с душой, способной понять чужое страдание. С другой стороны, любитель А. Левин (спившийся друг Коли) свой короткий эпизод играет очень ярко. Кажущаяся неумелость Г. Южакова в чтении стихов как раз очень уместна в данном спектакле и придает образу ту самую наивность, которая порой так пленяет в любительских работах.

Наполненная творчеством, жизнь Сукачевой протекала интенсивно и увлекательно. И вдруг перед самой пенсией, на которую Светлана, конечно, не собиралась выходить, — признаки грозной болезни. Ее первая атака вроде бы была благополучно отражена, но потом все больше приходилось лежать в больницах. Обе работы Светлана не бросала, была жизнерадостной, полной новых творческих планов.

Последний раз я видела ее 30 июня 2019 года — за три месяца до смерти. Она пригласила меня в Никольское на премьеру своего последнего спектакля. Это была «Повесть о настоящем человеке» — о судьбе летчика Маресьева, о подлинном образце мужества. Экскурсию по Никольскому Света вела сама, продемонстрировала экспозицию музея в бывшем доме Соколовых. А после спектакля — изумительный чай с мятой для всех участников. Это был обычай. Тот вечер запечатлелся в моей памяти: Светлана, веселая, энергичная, как всегда увлеченно рассказывающая о местах и людях, дорогих ее сердцу.

Больше нам встретиться не довелось. Свои последние дни она провела в хосписе. Рассказывали, что перед самой смертью она широко раскрыла глаза и прошептала: «И это все?..»

Открылся ли ей смысл ее недолгой, но такой наполненной жизни? Хочется верить, что да.

